

Ли Чжоучжоу возился с мясом.

Два цзиня свинины Ли Да принес еще позавчера — это была его доля за кастрацию поросят, но вчера из-за поездки в город времени на готовку совсем не осталось. Теперь же, вернувшись из деревни Дунпин пораньше, Чжоучжоу решил не откладывать дело в долгий ящик.

Отец принес еще и кусок нутряного жира — из такого вытапливать смалец одно удовольствие, выхода получается много, хоть сам кусок был размером всего с ладонь. Остальное составляла жирная свинина с мясными прослойками. Чжоучжоу первым делом взялся за нож: он ловко отделил самое жирное мясо, чтобы вытопить его вместе с нутряным жиром.

Оставшуюся мякоть, весом примерно в цзинь, он нарезал толстыми квадратными ломтиками. После обжарки их полагалось запечатать в небольшом глиняном горшочке. Такое мясо, залитое жиром, могло храниться долго; когда придет время готовить, достаточно будет зачерпнуть пару кусочков чистой ложкой — и сытное блюдо готово. В деревне это называли таньцзы жоу — мясо в горшочке.

Нарезав жир кубиками, Чжоучжоу раскалил чугунный котел. Дров в поддувало подложил совсем немного — здесь требовался малый огонь. Он бросил в котел раздавленный кусочек имбиря величиной с фалангу мизинца и влил полчашки воды. Этот прием Чжоучжоу высмотрел сам, когда только учился хозяйничать у плиты.

Вода не давала салу пригореть раньше времени, а шкварки выходили золотистыми и чистыми. Стоило только переборщить с жаром, как смалец темнел, а шкварки становились горькими и черными. Под его присмотром влага медленно испарялась, и вскоре котел наполнился прозрачной янтарной жидкостью, в которой весело шкворчали румяные кусочки.

Чжоучжоу выловил хрустящие шкварки в миску, а горячий жир осторожно перелил в кувшин. Когда тот остынет, то станет белым, как свежеснеженный снег. Не моя котел, он выложил в него мясную нарезку. Это была заготовка для будущих обедов.

Мясо он довел до полуготовности, пока из прослоек не вытопился лишний жир и кусочки не заблестели. Затем всё это богатство — и мясо, и горячий жир — перекочевало в горшочек. Оставалось только дожидаться, когда оно остынет, и плотно запечатать горловину.

К тому времени, как он закончил, на деревню опустились сумерки. Чжоучжоу поспешно замесил тесто, раскатал его и нарезал узкой лапшой. В котле уже закипала вода. В три большие грубые чаши он положил по доброй ложке уже застывшего смальца. Когда лапша сварилась, он разложил её по чашам, посыпал сверху мелко порубленным зеленым луком и хрустящими шкварками. Стоило залить всё это кипящим бульоном, добавить соль и капельку уксуса — и простая домашняя лапша была готова.

— Как вкусно пахнет! — Гу Чжао вошел на кухню, ведомый дразнящим ароматом.

Чжоучжоу вытер руки о фартук:

— Как раз вовремя, всё готово. Прости, сегодня припозднился с ужином.

— Вовсе не поздно, не переживай, — Гу Чжао подхватил чаши с едой.

Семья устроилась в главной комнате при тусклом свете масляной лампы. Гу Чжао первым делом пригубил бульон, и глаза его мгновенно заблестели. Он придвинулся ближе к супругу, коснувшись его плеча своим, и нежно прошептал:

— Чжоучжоу, у тебя золотые руки. Невероятно вкусно.

— Да что тут сложного, обычное дело, — смутился Чжоучжоу.

В деревне каждый умел и стирать, и готовить, за что тут хвалить?

— Нет, правда! — настаивал Гу Чжао. — Твоя лапша куда вкуснее той, что продают в лавках.

Ли Чжоучжоу за всю свою жизнь почти не слышал добрых слов. Соседи вечно попрекали его внешностью, а в старом доме, пока семья еще не разделилась, старшие только и знали, что ворчать на его неуклюжесть, медлительность и бестолковость. Ли Да, хоть и души не чаял в сыне, был человеком суровым и выражать чувства не умел.

Самой большой похвалой, которую Чжоучжоу слышал раньше, было: «Справный парень, силы много, работает споро». Но следом неизменно добавляли: «Ест только за троих, не гэ'эр, а мужик какой-то». И всё возвращалось к привычным унижениям.

Никто и никогда не хвалил его так, как Гу Чжао — открыто, искренне, без всяких «но» и последующей критики.

Чжоучжоу, чувствуя, как горят уши, украдкой глянул на отца — тот был занят едой — и только тихонько угукнул.

«Значит, я и вправду хорошо готовлю, — на душе у него стало непривычно радостно. — Муж ведь не станет врать, значит, я и в самом деле чего-то стою»

После ужина, когда Чжоучжоу собрал посуду, Гу Чжао подхватил лампу, освещая ему путь. На кухне в печи еще тлели угли, согревая воду. Раньше Чжоучжоу мыл чашки в холодной воде, жалея дрова, но с появлением мужа всё изменилось.

В первый же вечер он по привычке взялся за холодную воду, а на второй — Гу Чжао сам подбросил полено в топку и зачерпнул ковш воды в котел.

Когда Чжоучжоу удивленно посмотрел на него, муж с самым невинным видом пробормотал:

— Чжоучжоу, ты ведь не обидишься, что я дрова трачу? Холодает на улице, не хочу, чтобы ты руки студил.

Тогда у Чжоучжоу на сердце потеплело, разве мог он сердиться?

Прошло всего несколько дней, а он уже привык к этой привычке. В теплой воде посуда отмылась мгновенно. Пока он хлопотал, Гу Чжао приготовил воду для умывания — и отцу, и супругу.

Они работали слаженно: стоило Чжоучжоу закончить с уборкой, как муж уже развел воду нужной температуры. Холода наступали стремительно.

— Иди скорее, ноги погрей, — Гу Чжао усадил Чжоучжоу на скамью.

В комнате они остались вдвоем, Ли Да ушел к себе, и Чжоучжоу почувствовал себя свободнее. Гу Чжао зачерпнул из бадьи горячей воды и осторожно подлил в таз.

— Как водичка? Не слишком горячо?

— В самый раз, муж, — Чжоучжоу пошевелил пальцами ног.

Гу Чжао присел рядом и опустил свои ноги в таз, тут же издав короткое «sss». Чжоучжоу всполошился:

— Слишком горячо?

Он только сейчас вспомнил, что кожа у мужа тонкая, не привыкшая к тяжелому труду, не то что его — огрубевшая и привычная ко всему.

— Ничего, в холода так лучше, — Гу Чжао неспешно накрыл своими ступнями ноги супруга.

Сидя на низенькой табуретке перед кангом, на котором устроился Чжоучжоу, он снизу вверх посмотрел на него с кротким, послушным видом:

— Ты ведь не против?

И лукаво погладил пальцами ног стопу Чжоучжоу.

Разве мог Чжоучжоу быть против? Вся его тревога и чувство вины мгновенно испарились, сменившись щекотным, приятным волнением.

В доме было всего два деревянных таза: один для отца, другой для них двоих. Жизнь в деревне была простой, но в семье Ли она казалась куда благополучнее, чем у многих других.

Когда пришло время выливать воду, Гу Чжао сам подхватил бадью, и Чжоучжоу на этот раз даже не стал спорить. Гу Чжао даже немного удивился: что это Чжоучжоу сегодня такой послушный?

Накинув куртку, он выплеснул воду на грядки за домом. Свежепрогретые ноги мгновенно обдало ночным холодом. Он быстро запер дверь в главной комнате и скользнул в спальню. Масляная лампа на столе горела совсем тускло.

— Муж, гаси свет, пора спать.

— Хорошо.

Гу Чжао разделся, задул лампу и в полной темноте забрался на канг. Стоило ему приподнять край одеяла, как его окутало домашнее тепло, а затем...

— Чжоучжоу? — Гу Чжао замер от неожиданности.

Обычно они ложились в нижнем белье, в нательных рубашках и штанах. Но сейчас, коснувшись кожи супруга, он почувствовал иное. Ли Чжоучжоу, пересиливая жгучую робость, сам прильнул к нему, ища тепла и близости.

— Муж... — позвал он совсем тихо.

Эта решимость далась ему нелегко — даже в брачную ночь он не был так смел. Но Чжоучжоу так хотелось отблагодарить мужа за его доброту, так хотелось почувствовать его рядом. В конце концов, они уже два дня не были близки.

В душе Гу Чжао мгновенно вспыхнул пожар. Он притянул супруга к себе и коснулся его губ поцелуем, выдохнув в ответ так же тихо:

— Чжоучжоу...

В этом маленьком мире под теплым одеялом слова были не нужны. Всё существо Ли Чжоучжоу

наполнялось нежностью мужа, вытесняя старые обиды и страхи.

На следующее утро Чжоучжоу впервые позволил себе проспать чуть дольше обычного. Они еще немного понежились вдвоем, и только когда за окном забрезжил рассвет, он начал одеваться.

— Полежи еще немного, муж.

— Нет, встану, разомнусь и за учебники сяду, — покачал головой Гу Чжао.

Чжоучжоу трудился не покладая рук, и Гу Чжао не мог позволить себе праздность. Если домашние хлопоты были заботой супруга, то учеба и подготовка к экзаменам были его работой.

Чжоучжоу подал мужу согретую на канге одежду, и вскоре они оба были на ногах. Ли Чжоучжоу распахнул окно, чтобы проветрить комнату, заправил постель и ушел готовить нехитрый завтрак — кашу с соленьями. Гу Чжао тем временем упражнялся во дворе с пустыми деревянными ведрами, разминаясь и бегая кругами.

Когда совсем рассвело, Гу Чжао устроился у окна с книгой. Чжоучжоу занялся привычными делами: таскал воду, кормил свиней и кур, затеял стирку. Ли Да, наскоро перекусив, ушел в горы с корзиной — нарезать травы для свиней да принести сушняка. К обеду он вернулся, нагруженный доверху.

— Отец, может, зарезать курицу? — спросил Чжоучжоу.

Ли Да сбросил вязанки дров:

— Режь, дров теперь вдоволь, не жалея.

В пору затишья Ли Да каждый день ходил в лес. Осенью сушняка было много, и он старался забить дровяник под самую крышу. Он понимал, что зятю нужно поправлять здоровье, да и холода в этом году обещали быть ранними — скоро придется топить канг всюю.

Его зять был человеком хрупким, без внутреннего огня, морозы мог и не сдюжить. Ли Да решил, что после обеда сходит за дровами еще разок.

Чжоучжоу послушно поставил котел с водой. Прихватив нож, он отправился на задний двор. Куры засуетились, хлопая крыльями, но зоркий взгляд Чжоучжоу быстро выхватил ту, что почти перестала нестись. Одним ловким движением он поймал её за крылья и вытащил из загона.

Привычным жестом перерезал горло, подставив чашу для крови. Чтобы кровь была чистой, он

накрыл край миски лоскутом марли; алые капли просачивались сквозь ткань, избавляясь от мусора. На холоде медлить было нельзя: едва кровь стекла, он влил в чашу соленый раствор и быстро перемешал палочками — через несколько минут она застыла плотным сгустком.

Позже он нарежет её кубиками и протушит. Куриная кровь нежна, как свежий тофу, но имеет специфический запах, поэтому её лучше всего готовить с острой квашеной капустой — она хорошо перекрывает вкус. В деревне никогда не разбрасывались продуктами — ни капли крови, ни кусочка потрохов не пропадало даром.

Обдав тушку крутым кипятком, он оципал её и тщательно промыл. Потроха отложил — им тоже найдется применение. Зайдя в кухню, Чжоучжоу принялся разделывать птицу. Если бы они ели вдвоем с отцом, такой курицы хватило бы на неделю, но теперь он не собирался экономить.

Едва минул полдень, как в соседнем дворе у тётушки Ван собрались кумушки. За рукоделием и сплетнями время летело быстро. Вдруг кто-то из них принюхался:

— Какой аромат... Чувствуете? Откуда это?

Запах был ясный — кто-то готовил курицу.

Одна из женщин многозначительно кивнула в сторону забора Ли Да:

— Неужто у Ли Чжоучжоу сегодня пир горой?

— И по какому поводу, спрашивается, птицу резать? — недовольно буркнула другая. — Ни праздника, ни даты приметной. Только и знают, что богатством своим в глаза тыкать.

А запах становился всё гуще, смешиваясь с ароматом свежесваренной каши. Хотя все они уже пообедали, но от этих запахов в животах предательски заурчало. Утренняя жидкая каша давно провалилась, не оставив и следа.

Тётушка Чжан с силой бросила ножницы в корзину для шитья и вызывающе громко, чтобы за стеной точно услышали, прокричала:

— Ишь, выставляются! Вчера жир топили, сегодня курицу едят. Возомнили себя господами! Даже староста себе такого расточительства не позволяет!

— Так они еще и жир вчера топили? — заинтересовался кто-то.

Дом Ли стоял на отшибе, и только двор Ван примыкал к нему вплотную, а дом Чжан был следующим. Но тётушка Чжан умудрилась учуять запах смальца даже через соседский

участок.

Тётушка Ван недолго любила соседку за её склочный нрав и длинный язык, но связываться опасалась — та могла так ославить на всю деревню, что вовек не отмоешься. С тех пор как Ли Чжоучжоу отказал её дальнему племяннику, желавшему войти в их семью мужем-зятём, тётушка Чжан затаила обиду и не упускала случая позлословить.

Не желая ввязываться в спор, тётушка Ван только уклончиво подтвердила:

— Было дело... Но нам-то что с того? Не из нашего же кармана они едят.

— Кто бы мог подумать, что Ли Да так размахнется после свадьбы, — продолжали судачить женщины. — Казалось бы, последние деньги на зятя потратил, а они вон — мясо за мясом едят.

— Да уж... Помните, раньше у Ли Да только две глиняные мазанки были, а теперь — настоящий двор с каменной оградой. Всех обошли, — в голосе говорившей слышалась неприкрытая зависть.

Эти слова больно задели тётушку Ван. Раньше их дома стояли вровень, оба ветхие, без оград. Теперь же добротный забор Ли словно подчеркивал нищету её собственного дома. Она промолчала, но на душе стало муторно.

Аромат из кухни Ли становился всё гуще, разговоры затихали, работа валилась из рук. В этот момент во двор прибежал младший сын тётушки Чжан, маленький Нью-дань. Он вцепился в юбку матери, канюча, что проголодался и хочет мяса.

— Мяса ему! Какое мясо, обойдешься! — в сердцах рявкнула та.

Мальцу было всего четыре года, и хоть он понимал, когда мать в гневе, но запах еды был сильнее страха. С утра он ел только пустую кашу, и после беготни по двору живот у него совсем подвело. Он повалился на землю, дрыгая ногами:

— Мама, кушать! Нью-дань хочет мяса! Хочу мясо!

Кумушки с интересом наблюдали за сценой, а кто-то ехидно поддразнил:

— Раз Нью-дань хочет мяса, пусть мать завтра ему и приготовит.

Тётушка Чжан злобно глянула на шутницу. Поняв, что над ней смеются, она вдруг резко сменила тон. Схватив сына за плечо, она притворно ласково улыбнулась:

— Хочешь мяса? Слышишь, где его готовят? Ступай туда и попроси. Коли выпросишь — будет тебе мясо.

Женщины оторопели. Подстрекать ребенка идти попрошайничать в дом, с которым ты в ссоре — это было за гранью всякого приличия. В деревне мясо было редкостью, но никто не был настолько нищим, чтобы без зова идти к чужому столу. Это был несмыываемый позор. Но тётушка Чжан, казалось, окончательно потеряла стыд. Она знала, что Нью-дань мал, и ему простят.

Она не рассчитывала, что ребенка накормят. Напротив, она надеялась, что Ли Чжоучжоу выставит мальчишку за дверь, и тогда у неё будет повод на всю деревню кричать о его жестокосердии — мол, даже куска мяса для голодного дитя пожалел.

Нью-дань, недолго думая, вытер нос рукавом и припустил к соседскому забору. Тётушка Чжан, довольная, присела на скамью, предвкушая, как сын вернется в слезах, и она сможет всю разразиться бранью.

Обычно, если в доме ели мясо, двери запирали наглухо, чтобы не привлекать нахлебников. А если уж кто зашел во время трапезы, приличия требовали предложить гостю хотя бы кусочек. Тётушка Чжан так громко поносила соседей за их богатство, что те наверняка заперлись. Значит, Нью-дань просто зря опозорится.

«Ну и мать», — презрительно подумали соседки.

Прошло совсем немного времени, и Нью-дань вихрем влетел обратно во двор. В его грязной ладонке был зажат приличный кусок курицы. Рот мальчишки лоснился от жира, он на бегу облизывал косточку, сияя от счастья.

— Мама, дали! Дали мясо!

Сплетницы замерли, а тётушка Чжан и вовсе лишилась дара речи. Ли Чжоучжоу и вправду отдал ребенку мясо? Неужто они даже дверь не закрыли?

— Мама, как вкусно! Ой, как вкусно! — Нью-дань с упоением грыз кость, а закончив, принялся обсасывать пальцы, не желая упустить ни капли.

Остальные только переглядывались.

— Всё-таки Чжоучжоу — добрая душа, — негромко заметила одна из женщин.

— И не говори, в наше время вот так мясо отдать...

— Наверное, просто постеснялись отказать, — предположила другая. — В этой семье все такие: Ли Да — молчун незлобивый, и Чжоучжоу под стать ему, никогда ни с кем не ругался. Коли попросишь о помощи — никогда не откажут. Да и муж у него, видать, человек вежливый.

Поняв, что её опять выставили в дурном свете, тётушка Чжан окончательно помрачнела. А Нью-дань, обсосав косточку дочиста, преданно заглянул матери в глаза:

— Мама, кончилось. Хочу еще!

Один кусок выпросить — дело случая, но если идти второй раз и Чжоучжоу откажет, никто его не осудит. Напротив, все камни полетят в огород мамыши.

Под пристальными взглядами кумушек тётушка Чжан вспыхнула, схватила сына за ухо и зашипела:

— Какое еще «еще»! Совсем с ума сошел, попрошайка? Не позорь мать, иди домой сейчас же!

И она потащила ревущего мальчишку прочь. Женщины только презрительно поджали губы.

В доме Ли забор был надежно закрыт. Гу Чжао вытер руки. Он слышал все крики за стеной — не услышать такую брань было невозможно.

— Муж, иди обедать, — позвал Чжоучжоу.

Гу Чжао вошел в комнату и, глядя на супруга, спросил:

— Чжоучжоу, ты не сердишься на меня, что я отдал тот кусок?

Чжоучжоу покачал головой:

— Да что мне тот кусок... Нью-дань еще дитя, на него я зла не держу. Просто... мать его мне не по душе.

Он осекся, боясь, что муж сочтет его мелочным. Но Гу Чжао лишь загадочно улыбнулся:

— Сегодня мы отдали кусок мяса, а завтра у семьи Чжан сдохнет курица. Вот увидишь.

Чжоучжоу только удивленно захлопал глазами. Что это муж такое говорит?

<http://bllate.org/book/15349/1415995>